

Ученица мёртвой

Белки

Книга 2

Людмила Симанова

Ядвига Симанова

Ученица мертвой белки. Книга 2

Издательство «Четыре»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Симанова Я.

Ученица мертвой белки. Книга 2 / Я. Симанова — Издательство
«Четыре», 2023

ISBN 978-5-907738-47-8

Для учеников этой магической Академии существует лишь одна цель – выжить. Первая книга завершается неудачным побегом Янины Раксы и ее друзей, во время которого молодые люди узнают о страшной судьбе своих товарищей, а также сталкиваются с предательством. Во второй книге Ведьма из Кладовой небыли продолжит рассказывать историю Янки. В ней вы найдете ответы на поставленные в первой части вопросы о подлинных мотивах загадочного русского колдуна: к чему приведет его путь в погоне за Силой? Каковы цели проводимых Академией экспериментов? Каким образом Эльжбета, мать Янки, связана с Академией? Почему Мартин так похож на незнакомца из вагона метро? Удастся ли ученикам выбраться и какую роль в судьбе героини сыграют древние колдуны – служители смерти? Что ожидает детектива Романа Любича, угодившего в сети беса? И таинственная мертвая Белка наконец раскроет свою тайну...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907738-47-8

© Симанова Я., 2023

© Издательство «Четыре», 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ядвига Симанова

Ученица мертвой белки. Книга 2

© Я. Симанова, текст, 2023

© Издательство «Четыре», 2023

Всё живое принадлежит смерти.

Кто скажет другое, тому – не верьте!

Н. Фёдорова, «Следы»

Глава 1

Создатель

Впоследствии зрители обнаружили шкафчик с выбитым стеклом и пропажу ключа из связки. Немедля допросили беглецов. Мартин не думал отпираться и сразу сознался в краже, сообщив, что выронил ключ по дороге, когда его самого пинками вели в «одиночку». Естественно, ему не поверили. Обыскали всех причастных к побегу. Однако обыск результатов не дал. На том и успокоились: утерянный ключ не был уникальным, вскоре ему изготовили замену.

Мартин, как и его товарищи по неудавшемуся побегу, перебивался с хлеба на воду, предаваясь тяжким размышлениям об уготованном ему будущем: красная точка на экране монитора с указующей на нее стрелкой – какая-то крошечная часть мозга, то, что, по словам Сильвы, осталось от Ежи и Катарины, – не выходила из головы: «Их нет, а часть осталась. Значит, эта часть важная и безмерно ценная. А те пациенты, мирно посапывающие на белых простынях в стерильной палате, – спонсоры. А спонсоры должны быть заинтересованы. В чем? Да в этой самой красной точке! Точка осталась... Головы забинтованы. Да, именно! Они перенесли операцию на мозге. Им трансплантировали тот участок, отмеченный красной точкой, – в нем все дело! А Ежи и Катарина – доноры. И мы тоже... Но почему бы изуверам сразу не вырубить нас наркозом, уложить на операционный стол, покопаться скальпелями где-то между полушариями, а затем без шума и пыли избавиться от тел? К чему все эти сложности с обучением магическим искусствам? Испытаниями? Зачем вешать лапшу на уши, когда можно сразу под нож? Почему мы до сих пор живы? С очевидностью ясно одно: им нужно, чтобы мы прошли через финальное испытание, нас не собираются лишать жизни, покуда мы не завершим его».

Дверной засов лязгнул, перебив беспорядочные думы. Зритель принес еду – нет, на сей раз всего лишь стакан воды и... пилюли. Целых две. Пилюли вместо хлеба – предвестники скорого наступления часа икс. Что, однако, не удручало нисколечко, напротив, Мартин сходил с ума от бездействия. От голода, разумеется, тоже, но более всего от бездействия. Только бы вырваться, найти подходящее место, где бы представился шанс испытать судьбу! Он залпом проглотил обе пилюли сразу. Сердце забило чаще. Скоро...

Когда зритель оставил его одного, он сунул руку под рубашку и прощупал памятный крестообразный шрам на груди. Старый ожог зарубцевался примечательным образом: в одном месте кожа расслаивалась, образуя подобие крошечного кармана. Проведя пальцем по «карману», парень нащупал твердое – ловко спрятанный ключ был на месте, а значит, дело за везением! Мартин успокоился, переживания отступили, спокойствие по мере замирания пульса сменялось безразличием. Уносил сон...

И вот, теряясь между сном и кошмаром, он обнаружил, что сидит на каменном полу в полной темноте. Вначале решил, что очнулся в той же одиночной камере, где его сморил сон. Но помещение было больше, потолки выше, от камней веяло холодом, как и от неровных сырых стен. Невыносимо тяжелый воздух, казалось, давил со всех сторон. Поднявшись с колен, Мартин пошел на ощупь, осторожно переступая с ноги на ногу в неизвестности тьмы. Страшно хотелось пить, да и голод уже явственно прожигал нутро щупальцами. Но тщетно он выставлял руки вперед и водил ими перед собой в надежде наткнуться на стакан воды или миску с едой: мучители не оставили ничего.

Он стал прислушиваться. Вдалеке раздавался шелест. Мартин двинулся вперед, ориентируясь на звук. Когда шелест перешел в шуршание в непосредственной близости от его ног, что-то щекочущее быстро скользнуло по его голым ступням. Сделав шаг, он услышал писк и глянул

вниз: серая тень, вильнув длиннющим тонким хвостом, удрала прочь. «Крысы», – с досадой констатировал Мартин.

Но крысам тоже надо пить! Он пошел за крысами, и – о боги! – ему померещился свет! Боясь, что свет померкнет, ускорил шаг, несколько раз споткнулся, крыса под ногами больно цапнула, а сама юркнула к стене, не преминув возмущенно присвистнуть. Свет становился яснее, отчетливо обозначая сетчатые контуры. Он проливался сверху, с недостижимой высоты нисходил на плиты серого камня. Тут же заканчивалась стена. Темный тоннель вывел Мартина к основанию непомерно глубокого колодца, наверху которого сквозь прутья решетки усмехалась далекая небесная лазурь.

На дне, прямо под решетом небосвода, что-то поблескивало. В углублении каменистого грунта скопились остатки прошедшего накануне дождя. Образовавшаяся лужа в обманчивых бликах насмешливого света виделась гладью кристальной чистоты. Омороченный жаждой, Мартин принялся жадно черпать ладонями влагу, захлебываясь ею, словно в последний раз. Лишь напившись вдоволь, он ощутил хруст песка на зубах, а в остатках лужицы разглядел грязную муть. «Крысы, должно быть, тоже сюда приходят на водопой», – сказал самому себе Мартин, обреченно качая головой.

Он по-прежнему не представлял, где в этом каменном мешке можно добыть еду. Но ясность мысли вернулась, и он вспомнил о ключе. Взяв его в руку, принялся лихорадочно водить им по воздуху, перемещаясь от одного края колодца к другому – напрасные надежды, в том месте портал не открывался. Ключ упал в карман брюк: прятать его больше не было нужды.

Мартин стал ждать... Обращаясь к логике, он ждал испытания, которое по всем признакам вот-вот должно было начаться – не зря же его накануне угостили двумя пилюлями. Он ждал и ждал. Считал на клетчатом небе звезды, стоило им взойти, укладывался спать на холодных камнях, подстелив под голову рубаху, пробуждался с первыми лучами солнца и вновь принимался ждать, изнывая от голода, но никто не спешил к нему, положение его изо дня в день не менялось.

Вскоре диапазон мыслей сузился до единственной. Он жадно наблюдал за крысами, изо всех сил боролся с собой, с искушением поймать пищащее отродье, поймать, чтобы выжить. В конце концов изловил одну нерасторопную тварь, и ничего, что она его цапнула, – так было проще ее съесть. Он заткнул душераздирающий писк, размозжив ей голову камнем, и съел, сожрал еще теплую тушку. Облизывая кровавые губы, объятый вонью крысиной и своей, челювчьею, Мартин силился удержать съеденное в желудке, но вышло не очень – большую часть он изрыгнул тут же на недоеденные останки. В тот момент пришло осознание – тяжелое, но кристально ясное, безжалостно правдивое: нечего ждать, это и есть испытание, худшее, что устроители программы могли приготовить для него.

День сменяла ночь, и так без счета. Небеса от случая к случаю проливали спасительные дожди. Закостенев духом, Мартин более не гнушался крысами, в ловле коих достиг истинного мастерства. В проворстве и черствости он прежний позавидовал бы себе нынешнему. Но наихудшей пыткой свалилось на него одиночество, от которого он готов был лезть на стену. Чтобы не сойти с ума, он разговаривал с крысами – с теми, кого не успел съесть, а бывало, беседовал и со съеденными.

Внутри него обида, горечь, боль, отвращение к самому себе, безысходность, желание покончить со всем и сразу перемешались с обрывками памяти о том, кем он был когда-то, остатками надежды и неумной жаждой жить. Эти чувства, конфликтуя между собой, не находили выхода, подрывая его изнутри. Все эмоции, переживания, что некогда составляли личность, именуемую Мартин Шервинский, больше не находили отражения. Будучи совершенно один, он испытывал острую потребность отразить себя вовне, чтобы видеть со стороны, узнавать в других свои добродетели и пороки, тем самым убеждаясь в существовании себя самого.

В одиноком застенке каменного колодца не было ни души, холод серых стен не отражал Мартина. Крысы не в счет, человек отражается в человеке.

Так Мартин день за днем утрачивал ощущение реальности собственного существования. В отличие от него самого все окружающие предметы казались ему живыми. Он проникся ясной уверенностью, что и пол, и стены, и решетка (в особенности она) – есть, а его нет, а главное, никогда и не было. Он казался себе затянувшимся сном, что снится кому-то, кто уже очень давно не в состоянии пробудиться... Покуда не предстал пред ним как наяву образ пана Гжегожа – крепкого, мужественного, отъявленно жесткого, каким тот был при жизни. Вспомнил, как болели шрамы, когда Мартин единил себя с мертвецом – англичанином на далеких Гебридских островах. Тогда и понял, что следует предпринять. Одиночество, безвыходность положения доведенного до отчаяния человека на грани безумия вынуждают плодить сущностей, дабы возложить на них функцию отражателя всех составляющих грехов, чаяний и благостей, чтобы человек мог лицезреть себя вовне, творением своим утверждая: я – есть.

И Мартин начал творить, призвав на помощь воображение и волю. Вселить частицу себя в мертвое тело представлялось проще, куда сложнее было творить материю из собственных чувств. Как говорил пан Йоселевич? Воображение – врата в непознанное, иные миры...

Раскрутив воронку из эмоций, противоречий, дуальности, памятуя о прекрасном, чистом и одновременно дурном, порочном, о силе древней и темной, он создал Ведьму.

* * *

Амазонка ахнула:

– Подумать только! Я говорила с твоим Создателем!

Всплеснув руками, она задела стоявший рядом плетеный стул, и тот, как сметенный ураганом, отлетел к двери.

Рассыпавшись в извинениях, Амазонка собралась поднять порушенный предмет мебели, но Ведьма жестом остановила ее: суета была не к месту. Погружаясь глубже и глубже в прошлое, Ведьма вспоминала... Осторожно, боясь прервать ход ее мыслей, Амазонка спросила тихо-тихо:

– Какой он тебя создал?

Ведьма не отвечала. Не поднимая глаз, неслышной поступью, с дрожащей свечою в руке прошла она к зеркалу. И снова, как много раз до того, отраженное пламя опутало языками пустые щели глазниц, лишенный кожи череп, подернутые тленом кости лицевого скелета.

– Такой он создал меня, – мрачно промолвила Ведьма, оскалив зубы, при отсутствии кожи казавшиеся непомерно крупными.

Свеча погасла, исчезло и чудище. Ведьма отвернулась от зеркала, вновь засияв своею лживой инферальной красотой.

– Может быть, тебе известно, кто создал меня? – спросила Амазонка.

– Я поведаю об этом позже, – ответила Ведьма, усаживаясь напротив подруги.

И ароматы талого воска и ладана постепенно наполняли хижину, пока Ведьма вспоминала... Ведьма говорила...

* * *

Итак, на дне каменного колодца квинтэссенцией своего темного начала, дремлющих на задворках души истоков зла, перевернутых ценностей, лжи и коварства, алчности и запретных страстей Мартин сотворил Ведьму. Явившись, ее действительный облик ужаснул Создателя. Тот содрогнулся, узнав в нем свое отражение, и одновременно торжествовал, ликуя сердцем, что отражение свершилось. Преисполнившись жалости к уродливому и злему существу, про-

бужденному к жизни одним эгоистичным желанием иметь в услужении проекцию собственной темной сути, Мартин наделил Ведьму чарами и Силой, способной ими управлять.

Создание стояло рядом, на расстоянии вытянутой руки. Желая дотронуться до Ведьмы, он протянул кисть. И тогда постиг новую истину – отражения нельзя коснуться. Видя, как сокрушен Создатель, Ведьма впервые заговорила:

– Отражение неосяземо для своего Создателя. Ты коснешься своего отражения, лишь оказавшись в Зазеркалье. Я принадлежу Кладовой небыли.

Ее голос слышался издалека. Создание, будучи частицей его самого, оставалось недостижимым.

– Кладовая небыли... – проговорил Создатель, вспоминая ушедшее, прошлое, потерянное.

И еще вчерашним умом понял он, что прошел испытание – не того ли от него ждали изобретательные устроители, лишениями и одиночеством вынуждая творить, расплывать свое «я» на сущности, отражать и отражаться? Он помнил и то, что пройти испытание означало умереть. И живо представил, как кто-то вроде тихой и безупречно исполнительной Сильвы уже готовит для него операцию, где искушенный нейрохирург тщательно выкромсает его мозг, вычленив ту самую красную точку. Зачем? Что будет с этой точкой дальше – значения не имело. Надо было торопиться.

Ключ вновь приобрел ценность. Если ключ, открывающий портал, бесполезен здесь, что мешает воспользоваться им в Кладовой небыли? Себя ему не спасти: вскоре за ним придут или колодец исчезнет, канув в недра, – то или другое непременно произойдет, знаменуя его конец, когда лик его, Создателя, станет годен лишь на то, чтобы с легкой когтистой руки мастера камня пополнить барельеф колонного зала. Но сдержать данное Янке обещание все еще в его силах. Он понял это, когда вместе с воспоминанием о Кладовой небыли в памяти всплыл ее рассказ о человеке в варшавском метро, странно похожем на него самого, который «проводил» ее в Академию, вырисовывая в воздухе неясные знаки. Он помнил и то, что время – условность, поэтому то, что происходило в прошлом, вполне может проистекать корнями из будущего. Мартин подарит Кладовой небыли копию себя самого вместе с ключом, втиснутым в борозды старой раны, и Создание из Кладовой сослужит службу.

Пребывая на дне темного колодца, в ледяной ночи немеркнущих светил, Мартин, по крупицам перебирая, извлекал из себя, проецируя вовне, честность, благородство, храбрость до безрассудства и, разумеется, любовь до самоотречения, что явилась так несвоевременно. Для успеха возложенной на Создание миссии образ пришлось подрихтовать чертами, его Создателю вовсе доселе несвойственными: недюжинной физической силой вкупе с ловкостью, меткостью, приправив все это самоуверенностью и дерзостью.

До самого восхода Мартин прорабатывал детали образа, отдал последние силы, но воплощение того стоило. С первым лучом, позолотившим колодезную решетку, одетый в черную косуху, кожаные штаны, заправленные в высокие ботинки на рифленной подошве, перед Создателем предстал Охотник. Под опущенной на брови черной шапкой выделялись глаза – пронзительные, хищные, волчьи.

Если бы Янка имела возможность увидеть Создание, она бы непременно узнала в нем того загадочного попутчика из вагона метро, который, поначалу оттолкнув, позднее не на шутку захватил ее воображение, – попутчика, как две капли воды похожего на Мартина. Но Янки не было здесь, а Ведьма – была.

Ведьма, будучи рядом, в единый миг навела морок. Преобразившись в утонченную брюнетку с глазами темной зелени, в длинном платье цвета воронова крыла, она могла прельстить любого. Но на Охотника не действовал морок: он знал, кто перед ним. Охотник смерил чудное видение недоверчивым взглядом.

– Кого ты видишь? – спросил Создатель у своего двойника.

Охотник смотрел на Ведьму, стальные глаза его метали искры.

– Мишень, – ответил он.

– Верно, – удовлетворенно заключил Мартин. – Ты тот, кто мне нужен.

Ведьма презрительно усмехнулась, но на всякий случай отошла в сторону.

– Янка... Она попала сюда по ошибке, – по обыкновению неуверенно перешел Мартин к делу. – Она не та, кем ее считают. В одиночку она крайне уязвима. Ей нужно помочь.

– Знаю, – поспешил с ответом Охотник. – Шарлатанка она.

Мартина передернуло. Он бы никогда не позволил себе столь вольных высказываний. И это отражение? Видно, где-то он допустил промах, переборщив с дерзостью. А Охотник меж тем гнул свое:

– Шарлатанка, лгунья, каких поискать. Любого вокруг пальца обведет. Тем и заводит... – на том Охотник резко сменил тон, оборвав шутку: – Я умру за нее, Создатель, ты знаешь!

Его лицо выражало суровую решимость. Мартин почувствовал облегчение: нет, не промах, он любит ее. По-своему, но любит.

– Ключ у тебя на груди, – продолжал напутствовать Мартин, – открывает портал. Тебе нужно найти место под землей или место Силы. Отыщи похожее в Кладовой небыли. Я назову тебе день и час, когда, используя ключ, ты должен будешь очутиться в варшавском метро. Оттуда ты проследишь за Янкой и, когда ее схватят, не вмешиваясь, создашь за нее ее же проекцию. Так она избежит разоблачения и дотянет до Академии живой. После действуй по обстановке. Главное – помочь ей выбраться из Академии до того, как она завершит испытание и ляжет на операционный стол. Только учти: не стоит задерживаться долго за пределами Кладовой небыли, все пришлое оттуда быстро исчезает из мира людей.

Охотник понимающе кивнул, ему не требовалось повторять дважды.

– А мне что делать? – спросила Ведьма.

– Охотник призовет тебя в нужный день и час, и ты поможешь ему.

Тропами Кладовой небыли Охотник и Ведьма покинули своего Создателя. Мартин, угаснув силами и в то же время преисполнившись удовлетворения от того, что удалось, и сожаления о несбывшемся, замер на дне каменной тюрьмы в ожидании конца.

Глава 2

Третья ступень

Не когда вместо одной ежедневной пилюли ей пришлось проглотить две, и не когда страна снов раньше времени поманила ее, а когда дух ее захватил порыв ледяного ветра, хлеставшего по лицу в противовес лыжам, взрезающим сверкающие кристаллы и по крутому склону заснеженной горы несущим ее вниз. Объятая страхом, она не летела, а безвольно падала, не различая ничего за пеленой снежного тумана. Новый пронизывающий шквал на миг приоткрыл шоры, и она, немея сердцем, обнаружила впереди отвесный излом.

Расстояние до излома стремительно сокращалось, неуправляемое падение на нечеловеческой скорости приближало к обрыву. За каких-то полсотни метров до пропасти она предприняла робкую попытку повернуть лыжи, но полет стрелы не терпит медлительности: время упущено. Шаги требовались решительные, резкие: с неистовым криком, ослепшая от снежной пыли, она рывком вспорола снежный покров, вывернув ход поперек движения. За шаг до критической черты лыжи уперлись в сугроб, правая тут же треснула у внутреннего ребра.

От страха свело конечности и не было мочи сойти со снежного ковра, что обрывался у самых ее ног. Окаянный ветер, как назло, сменился, толкая в спину, а впереди за ковром раскинулся голубой простор, леденя сердце зияющей пропастью и продирая морозными вихрями с высоты небес. С трудом она освободилась от неудобных лыж – те тотчас деревянными щепками сорвались вниз. Перекатившись кубарем, она кое-как отдалилась на безопасное расстояние от обрыва. Хорошенько промассировав ноги, ей удалось подняться.

Одетая в горнолыжный костюм светлых тонов, она смотрела по сторонам: с востока потоком нисходили нити холодного солнца, север и запад пребывали во власти слепящей синевы, а на юге от земли к небу поднимались дымные кольца. В южном направлении были протоптаны следы, и Янка ступала по ним, идя на дым, рассчитывая отыскать жизнь.

Чем отчетливее и гуще становился дым, тем чаще проявлялись на тропе следы. Он обволакивал гостью, давая пищу ее обонянию, и тогда стало ясно, что это не дым, а пар, который исходит от горячих источников, бьющих из-под земли. Горячие купальни, устроенные самой природой, простирались на юг, казалось, до самого горизонта, непостижимо сочетая бьющий из недр жар с мерзлотой заснеженной равнины. Немыслимый симбиоз льда и огня не укладывался в голове.

От купален шел пар. Янка остановилась в замешательстве. «И пар, и снег есть, значит, так тому и быть», – решила она, направившись к одной из купален. Зачем она здесь? Какой смысл несут ее действия? Она не отдавала себе отчета, пребывая словно под гипнозом, следовала написанному кем-то сценарию, не вникая в сообразность происходящего. «Значит, так надо», – твердила она себе, заглушая голос то и дело норовившего восстать разума.

Облака пара витали над купальней, водная гладь была прозрачна и манила теплом. В соседних ваннах нежились люди, но ее купель была свободна и чиста. Раздевшись, она не задумываясь прыгнула в воду. Приятное тепло расслабляло тело, с поверхности голову остужал легкий холодок. Подобного комфорта Янка не испытывала давно, если вообще испытывала когда-либо. Хотелось остаться и уснуть, наслаждаясь свежестью морозного воздуха и теплом изнутри горячей водяной колыбели. Не отягощенное смыслом прошлое вместе с шатким, изъязвленным страхами настоящим поглощали тягучие, как кисель, воды. Мир мерк перед незыблемостью покоя и безмыслия.

«Так чувствуется только мне или им тоже...?» – ленивым титром мелькнула мысль на гаснущем экране уходящего в сон разума. Вслед за мыслью глаза обратили взор на соседнюю

лохань. Купель отливала синим. Но то была не синева благословенных небес, то была синь ледяная, закостеневшая, мертвенная.

Сон, как зазевавшийся воришка, застигнутый врасплох, живо убрался из головы. Янка поднялась из ванны, разгребая облепивший ее тело лед: бывшее тепло кануло в воспоминания. Морозный воздух выжигал узоры на ее плечах. Коченея на студеном ветру, она потянулась к ключу, трясущимися пальцами извлекла его из кармана брюк, неосмотрительно брошенных на белом завьюженном полотне. Ключ раскаленным оловом прожег обледеневшую ладонь. Тело в ряби прозрачных колец пропадало из виду. Сознанию открывалась совершенно невозможная, но такая теплая и родная дубовая роща Кладовой небыли.

Янка стояла перед старым дубом в светлом приталенном платье, расклешенном книзу, с цветочным принтом. Ветер шоркнул по волосам, и золото посыпалось с небес. Гостья замороженно глядела на вихрящуюся в воздухе невидаль, пока та не легла россыпью к ее ногам. И даже осень, разметая листву по углам Кладовой, являла собой предел грез!

Не без сожаления отведя взор от ослепительной картины, Янка опустила руку в дупло. Пальцы наткнулись на округлый предмет, внизу которого прощупывались симметричные выпуклости. Вытянутый из тайника Белки презент оказался часами, точнее будильником на подставке, механическим, с встроенной сверху кнопкой остановки. Статичный циферблат не подавал признаков жизни. Сложно было себе представить, как эта штука поможет выбраться из ледяной западни. Но мертвая Белка успела научить Янку не пренебрегать своими дарами, для извлечения полезных свойств коих требовалась выдержка.

Не тратя времени даром, гостья покинула благодатный край, и ветер на прощание швырнул в нее золотой горстью, затейливо застывшей в волосах сияющей в рассветных лучах диадемой.

Снежные купели хранили тишь, как на погосте. Тик-так, тик-так – секундная стрелка часов бежала, словно от погони, волоча за собой минутную. Часы заработали – ни с того ни с сего. Значит, так надо, значит, так задумала Белка. Только шли они в обратную сторону, быстрее и быстрее наращивая темп.

Часы, стоя на белом снегу, тикали настойчиво и тревожно, обратным ходом приближаясь к отметке с цифрой двенадцать. «Против часовой стрелки... Обратный отсчет... Для чего? Черт возьми!» – внезапное озарение наступило ровно за минуту до того, как ее недогадливость стоила бы ей жизни. Взрыв! То, что требуется мертвому царству, чтобы сорвать закостеневшие оковы вечного застоя.

Схватив на бегу лыжную куртку, Янка рванула прочь от смертоносного будильника напрямик к отвесному обрыву. А позади уже взметнулись к небу брызги ледяных искр, захлестываемые кипящей лавой, исторгнутой взрывом из-под земли. Земля льда и пламени жаждала крови, расширяясь в полыхающем жаром разломе, и выбор между худшим и наихудшим уже не стоял – Янка не раздумывая шагнула в пропасть.

Мгновенный полет, нераспознанный умом, венчала земная твердь. Янка зажмурилась в ожидании удара. Но боли не последовало. Лишь мириады похожих на снежинки звезд поднимались к небесам. И Янка была одной из них и всеми сразу одновременно. И не было в ее жизни мига прекрасней. «Если так выглядит смерть, то только ради нее и стоит жить», – подумала она, охваченная чувством внезапно нахлынувшего счастья.

Но, не успев вознестись, снова рухнула в жизнь. Или жизнь обрушилась на нее катетером у вены и пробуждением отекавших членов на жестком ложе медицинской каталки.

* * *

– Где она? – спросила Эльжбета Ракса.

Мать Янки стояла, опершись плечом о дверной короб в кабинете пани Барбары, куда только что добралась по извилистым коридорам пещеры. Никто не завязывал ей глаза: в отношении пани Раксы, многолетнего партнера Академии, предосторожности были неуместны. Впрочем, она без труда нашла бы кабинет Абовской и с завязанными глазами: бывать здесь приходилось не раз.

Но в тот день почва теряла твердость под высоким каблуком, колени подкашивались, весь мир будто разом лишился опоры – того и гляди развалится, как карточный домик!

Барбара ждала за столом, по привычке избегая прямых взглядов, и заметно нервничала. Кто-то из персонала вдруг поднял переполох, позвал ее, в палате что-то стряслось, она подскочила, как на пружине, не без облегчения отсрочив непростой разговор.

Эльжбета не осталась в дверях. По-хозяйски устроившись в кресле Барбары, она, нисколько не церемонясь, принялась перелистывать сложенные на столе бумаги. Тем временем в коридоре стояли галдеж и суета: какой-то бедолага порезал вены, пришлось его срочно реанимировать. Но суматоха снаружи не трогала Эльжбету. Она неотрывно глядела на испещренный мелким почерком Барбары титульный лист, содержащий данные пациентки по имени Янина Ракса и черно-белое фото дочери.

Вернулась запыхавшаяся пани Абовская.

– Прости, Эльзи, у нас случай, как говорится, из ряда вон... Ненормальный русский отчебучил! Надо было сразу переводить его на особый режим. Я говорила, да кто ж меня послушает?!

Пропустив мимо ушей сетования доктора, Эльжбета повторила вопрос:

– Где она?

– В операционной, – ответила Барбара поникшим голосом.

* * *

– Ну и напугала же ты нас, Янка! Слава богу, обошлось! – Улыбчивое лицо профессора Альберта Гловача выражало участие.

– Что случилось? – спросила Янка, поднимаясь с каталки в полумраке больничного коридора.

Она предприняла попытку высвободиться из оплетающих ее тело трубок, но пан Гловач остановил:

– Не время вставать. Побереги силы!

Гловач не собирался отвечать на вопрос, и Янку охватила паника. Что, если она прошла испытание, взорвав землю огненных льдов, и ее везут в операционную? Она уже представила ухмыляющееся лицо медсестры Сильвы, в злорадном упоении затыкающей ей рот маской с ингаляционным анестетиком.

– Для чего? – обреченно спросила Янка, не особо рассчитывая услышать ответ.

– Для испытания. Оно вот-вот начнется, вернее, продолжится. Начало выдалось, прямо скажем, не очень. Вероятно, дело в таблетках. С дозировкой переборщили.

Профессор покровительственно похлопал ее по ладони, по-доброму, как будто речь шла о школьной лабораторной работе. И на том спасибо, от сердца отлегло, пускай на время... Время – то, что у нее пока что, похоже, имелось.

Вскоре каталка подвезла Янку к знакомой двери – белка с картинки сочувственно подмигнула неудачливой беглянке, а Янка подмигнула в ответ – машинально, без всякого смысла.

В ее комнате ей велено было переодеться. На вешалке у стены висело платье – в груди кольнуло. То самое платье – светлое, с переплетенными между собой салатовыми стебельками, что было на ней при ее последнем посещении Кладовой небыли. Кто в Кладовой наградил ее этим нарядом? Кто-то, без сомнения, ведающий будущее.

Нарядившись в платье, особенно гармонизировавшее с ее зелеными глазами, забрав русые волосы в хвост, Янка вышла в коридор, где ожидал провожатый в капюшоне, надвинутом на добрую половину лица. Непроницаемая маска снова стянула виски, и девушку повели чередой нескончаемых развилочек и поворотов узкими коридорами меж холодных каменных стен, отдающих сыростью.

Провожатый скомандовал остановиться, и повязку сняли. У подобия трансформаторной будки, на которой, как и прежде, грозная молния из желтого треугольника предупреждала об опасности, караулила ненавистная Стрекоза. Она переминалась с ноги на ногу, то и дело освобождая пятку из туфли и выпячивая вперед острый каблук. Туфли жали, Тамара едва сдерживала раздражение.

– Скорее, скорее! – подгоняла она провожатого.

По всей вероятности, кредит доверия Янка исчерпала и тратиться на церемонии с ней не было нужды. От «нечего терять» девушка решила узнать сама:

– Если это – испытание, то в чем состоит задача?

Пальнув уничтожающим взглядом из-под стрекозьих очков, Тамара недовольно приоткрыла половинкой рта, чуть слышно выдавив из себя:

– Задача проста – выжить!

Провожатый залихватски свистнул в прорезь ключа, и налетевший вихрь, поднимающий столбом пыль, с трубным воем вырвал Янку из времени и пространства в иное «когда» и «незнамо где».

* * *

«Руины...» – первое, что пришло в голову Янке, пересекшей портал. Кругом грубый крупный камень обломками разнообразных видов и цветов формировал стены и округлый потолок. Рваные асимметричные ниши походили на пустые глазницы, и их острые края расплазались швами в гигантскую паутину. Снаружи проникал тусклый свет: входная дверь отсутствовала. Внутреннюю часть помещения венчала кованая решетка, а за ней – запыленный каменный саркофаг, украшенный орнаментом из замысловатых символов и фигур. Убранство склепа не пощадило время – множественные сколы и трещины свели на нет былое изящество.

Янка не думая протянула ладонь к решетчатому ограждению: кованая конструкция – твердая, холодная, нещадно запыленная и, вне всяких сомнений, реальная. Посторонний шорох за спиной заставил вздрогнуть. Вообразить, что она здесь не одна, было решительно невозможно. Резко обернувшись, девушка автоматически выставила вперед руки, готовясь оттолкнуть неизвестного. Но вместо неизвестной угрозы столкнулась лицом к лицу с... Мартином...

– Мартин, а ты что здесь делаешь? – Слова сами слетели с губ.

Внезапный порыв радости затуманил взор, она раскинула руки, собираясь заключить друга в объятия, но... осеклась. Что-то непривычное, чужое было в его облике: расстегнутая косуха, в руках – черная шапка, ботинки нечищенные... И как твердо он стоит на ногах, излучая уверенность, раскованность, а глаза, светло-голубые с легким прищуром, смотрят по-волчьи хищно, смело... Обознаться невозможно – вовсе не Мартин стоял перед ней.

Но слова были произнесены, и незнакомец ответил:

– Тебя жду. Ведьма сказала, ты придешь, и я ждал. Но я не...

– Мартин. Знаю, ты не он. Я узнала тебя. В метро. Нам было по пути. Наверное.

– Я следил за тобой.

Незнакомец вытащил из-за ворота ключ: кусок металла болтался у него на шее, на каждом шнурке.

– Мартин дал мне его. Открыв портал, я очутился в метро, нашел тебя в нужный день и час. Когда те двое усадили тебя в машину, создал твою проекцию, след, что тотчас сбила машина. Извини. Зато ты смогла выжить.

– А стоило? Может, не так это и хорошо? Выжить... – печально заметила Янка, вспомнив, как недавно ей грезилась смерть и как чуден был звездный полет в невесомости и бестелесности...

– А идея выбраться отсюда – как тебе? – двойник Мартина подмигнул, демонстративно поигрывая ключом на шнурке. Меланхолические философствования Янки, очевидно, его не трогали.

– Тебя Мартин попросил? Прости, но для начала хотелось бы знать, кто ты такой и почему так похож на него?

– Похож? Seriously? Не замечал. Я – Охотник. Мартин – Создатель. Он создал меня и Ведьму. Зачем? От скуки, наверное. В последний раз я видел его замурованным в колодце. В компании крыс не слишком-то весело коротать время. Я помню то, что помнит он.

При этих словах глаза Охотника зажглись огнем, и он смерил девушку взглядом чуть более пронзительным, нежели позволяли обстоятельства. Янка вспомнила поцелуй в Кладовой небыли. Дерзкий взгляд Охотника говорил, что и он помнил тоже. Ей сделалось неуютно. Сложив руки на груди, она отвернулась к кованой решетке склепа, будто стремясь схоронить за оградой уязвимые мысли от непрошеного вторжения двойника ее друга. Когда молчание стало в тягость, Янка решила нарушить тишину:

– Ты, случаем, не знаешь, где мы находимся?

– Как не знать? Это – усыпальница Латишей, деревня Полунце, пограничный район.

Музыкой для Янки прозвучало название. Случилось так, как пророчила Белка: испытание третьей ступени должно завершиться в усыпальнице Латишей, как говорил тролль, передавая услышанное от Белки. Янка тут же вспомнила о данном Иоганну обещании прозвонить в Колокол Зари, освобождающий тролля.

– Здесь где-то должен быть колокол, – сказала она.

– Колокол? Не наблюдаю, – оглядевшись по сторонам, ответил Охотник. Покопавшись в памяти Мартина, изрек: – Ошибся твой тролль. Склеп давно заброшен. Обломки, руины... Видишь, уж и трава сквозь камни проросла! Да и некуда тот колокол деть в такой малюсенькой конуре. Пойдем! Мир ждет тебя!

Охотник вновь поиграл ключиком на шнурке.

– Усыпальница – место Силы. Из метро я напрямиком попал сюда. Отсюда мы и отправимся обратно.

– Хорошо, – с сомнением согласилась Янка.

С тяжелым сердцем покидала она склеп. Ей не удалось выполнить обещание, данное троллю, который так много сделал для нее. Так же как и Мартин... Мартин, замурованный в колодце с крысами, отдал последнее, что у него было, спасая ей жизнь, а она даже не попыталась выручить его. Исполненная презрения к себе, не ведая иного выхода, Янка приняла руку Охотника.

– Когда окажемся в метро, сразу пойдем в полицию. Мы расскажем о том, как Академия похищает людей. Мы спасем Мартина! – произнесла Янка, чуть не плача.

– Как скажешь, – согласился Охотник.

Предложи она на пару сигануть с крыши – он бы так же, не задумываясь, кивнул. Значение имела лишь цель – вытащить Янку в большой мир. Любые споры вели к проволочке – такую роскошь он позволить себе не мог.

Набрав воздуха полную грудь, Охотник громко свистнул, заставив выдавший виды ключ корчиться в ржавых металлических судорогах.

Глава 3

Территория смерти

Янка зажмурилась в ожидании всеокрушающего урагана, способного перемешивать пространство, как податливую массу свежего теста. Но вокруг не происходило ничего: ни ветерка, ни шороха – штиль... Предметы оставались на своих местах, на решетке – пылинка к пылинке. Ожидание затянулось.

– Ничего не понимаю, – озадаченно проговорил Охотник и с удвоенной силой свистнул в ключ.

Земля не покачнулась, склеп оставался мертв и нерушим.

– Троль камня говорил, погребенные здесь Латиши – колдуны, – зашептала Янка, оглядываясь вокруг, будто боясь пробудить магов от мертвого сна неосторожным словом, – возможно, в них все дело...

– Предлагаю выйти и попробовать снаружи.

Под открытым пасмурным небом их встретило широкое поле, сплошь усеянное крестами и надгробиями из гранита и мрамора. Строение, из которого они только что вышли, располагалось посередине кладбища, окаймленного небольшим семейством тонких, иссохших под гнетом времени сосен. Сама же усыпальница имела форму пирамиды, ее верхний ярус оканчивался конусом. Будучи внутри пирамиды, Янка и не подозревала о наличии в конструкции верхнего этажа.

– Ты провел в склепе больше времени, чем я. Если имеется второй ярус, где-то должен быть и проход, логично?

– Несомненно. Но, хоть убей – прохода я не видел!

– Если троль не ошибся, то Колокол Зари может быть только там, наверху.

– Только не говори, что собираешься немедленно проверить это предположение!

– Нет. – Янку вдруг перестала мучить совесть, атмосфера кладбища делала обстановку невыносимой. – Я задыхаюсь здесь. Поскорее бы убраться из этого жуткого места!

Охотник спешно вытащил ключ, опасаясь, что девушка передумает, и свистнул в прорез аж три раза подряд – от души! Напрасно. Лишь кладбищенский ворон откликнулся на зов и, примостившись на ближайшем надгробии, тыкал клювом в плиту, время от времени косясь на пришлых.

Спутники беспомощно оглядывались по сторонам: позади – полуразвалившаяся усыпальница, уменьшенная копия пирамиды египетской, а вокруг нее – огород из памятников с выгравированными на них именами, лицами некогда живших, заросли бесчисленных крестов – насколько способен охватить глаз... И туман, низко-низко стелющийся, непонятно откуда взявшийся туман... Облака, плывущие по самой земле, окутывали кресты, могилы, лица. Туман сгущался и, сгущаясь все сильнее, приближался. Словно живой, он тянулся со всех сторон к склепу Латишей... Латишей-колдунов...

– Я одна это вижу... или?.. – произнесла Янка. Она бессознательно потянулась к ладони Охотника, и ее пальцы ощутили холод материи кожаных гловелетт.

– Или! – сказал Охотник, твердой рукой сжав ее ладонь. В другой руке он держал нацеленный в туман пистолет.

К тому времени кладбище начисто заволокла белая пелена. Седые змейки уже опоясали нижний ярус усыпальницы, в пустынной туманности торчал пик пирамиды во всей своей монументальной нелепости. Невольным гостям колдовского могильника приходилось стоять и смотреть, как мутный свет извлекает из туманного сгустка темные тени.

Когда вытесненные из мглы тени обрели четкие контуры – вдвое выше человеческого роста, в безразмерных балахонах, с закрытыми капюшонами лицами, они, подобно двум маятникам, синхронно раскачались в воздухе, не касаясь земли, и Охотник взвел курок, поочередно перемещая прицел с одной фигуры на другую.

С приближением теней в воздухе повеяло землистой сыростью. Вслед за запахом воздух сотряс громогласный утробный звук, идущий словно из-под земли. Охотник привык действовать, полагаясь на инстинкт, что безошибочно сигнализировал об опасности. Охватив собою все пространство могильника, глас соединился с резким хлопком выстрела. Сначала один, за ним тотчас последовал другой. Обе пули попали в цель, и обе прошли насквозь, окончив полет у двух безымянных могильных плит. Тени не пали ниц, не исчезли, а нависли двумя черными тучами над головами незваных пришлых, и тяжелый загробный глас обратился в речь:

– Никто не смеет безнаказанно вторгаться на территорию смерти! Все на этой земле – мертвое или живое – есть ее одной достояние!

– Мы не по своей воле очутились здесь! – затараторила Янка, а извилины в голове уже выстраивали очередную ложь.

– Замолчи! – сурово перебил Охотник. Он выступил вперед, заслонив собой девушку. – Почтенные хозяева, что сделать, чтобы вы позволили нам уйти?

– Гляди, Казимир, герой собирается договориться со смертью! – заговорила другая тень в балахоне, доселе хранившая молчание. – Смерти нужен откуп. Кровь, человеческая кровь, герой!

– Я готов! Возьмите мою! И... я не герой. Я Охотник.

Теперь слышны были оба голоса. Раскатистый смех, казалось, сотряс могильные плиты. И виделось, будто там, за непроницаемой завесой тумана, мертвые встают из могил на зов хозяйки – смерти.

– Твоя кровь ничего не стоит, Охотник!

– Сто...ит!.. – протяжно отзывалось эхо от гранита надгробий.

– Ее кровь подойдет! – насмеявшись, произнесла тень по имени Казимир.

Янка ощутила ком в районе солнечного сплетения, он застыл, одеревенел, перекрыв дыхание. Пальцы судорожно вцепились в косуху Охотника. Глаза отказывались видеть.

– Чтобы получить ее кровь, вам придется сперва пустить мою, хоть она вам и не по вкусу!

Он вновь наставил на тени пистолет, понимая при этом весь трагикомизм положения.

– Ян, – обратился Казимир к другой тени, – герой не оставляет выбора!

– Выбор есть! – уверенно произнес Охотник, не выпуская из рук пистолет. – Я пролью кровь другого Создателя! Такая замена вас устроит?

– Мы, Ян и Казимир из рода Лагишей, издревле служим смерти и, сколько служим, никогда не позволяли себе идти живым на уступки. Смерть, герой, не терпит компромиссов! – сказала первая или вторая тень – в голове у Янки все перемешалось. – С чего ты взял, что мы позволим тебе выбирать?

Охотник сильнее расправил плечи, сделавшись как будто выше.

– Да потому что сами вы не способны причинить вред Создателю! Закрывать портал, туман напустить – это для вас не проблема. Но до Человека вам не дотянуться. Руки короткие!

Замерший на мгновение воздух, будто опомнившись, резко поднял ввысь туманные облака, те запетляли кругами между могил, ветер взвыл, объемля собою небо и землю, грохот и треск взорвали окутанный пеленою могильник, и осколок мраморной плиты просвистел перед лицом Охотника, острым краем полоснув по скуле. У Янки подкосились ноги. Не чувствуя ступней, она еле держалась, чтобы не упасть на мертвую землю. Но шквал стих так же стремительно, как начался. Фигуры в балахонах отступили.

– Что скажешь, Казимир? Подождем?

– Подождем... – ответила тень.

И Охотник потянул за собой пошатывающуюся девушку вдоль аллеи кладбища, между могил, крестов, постаментов сквозь белесый туман.

– Откуда ты знал, что они меня не тронут? – шепотом спросила Янка.

– Я не знал.

Под надвинутой на брови шапкой сталью сверкнул взгляд. Девушке сделалось не по себе. «Оборотень», – безотчетно пронеслось в ее голове.

Спутники достигли ворот кладбища, здесь же оканчивалась стена тумана, а за ней, минуя небольшую поляну, вдалеке виднелись деревянные изгороди и покатые крыши деревенских изб. Жизнь? После обители смерти и тумана жизнь казалась чем-то нереальным, сверхъестественным.

– Что думаешь: местные дружелюбны или враждебны? – спросил Охотник, ступая по зеленой некошенной траве.

– Дружелюбны... надеюсь, – ответила Янка.

– Признаться, я рассчитываю на обратное. Я жду нападения, повода без зазрения совести пустить врагу пулю в лоб. Покормим Латишей кровью – авось и сподобятся открыть портал!

Не успела Янка выразить возмущение по поводу этого сомнительного, отдающего бесчеловечной практичностью заявления, как почва буквально ушла из-под ног и спутники с криками провалились под землю, туда же полетели прикрывавшие дыру пучки травы. Больно ударившись о дно, Янка замерла, уставившись на врытый посреди ямы остро заточенный кол. Стоило представить, что могло стать, угоди они в самый центр ловушки – ее будто окатило ледяной водой до несносных мурашек.

– Осел я, остолоп! Рано расслабился! Непростительно! – ругал себя Охотник, поднимаясь на ноги. – Чертова волчья яма! Надо же было так по-глупому попасться!

Ситуация выходила скверная: глубиной в два человеческих роста, с отвесными краями, яма поглотила путников, казалось, безвозвратно. Напрасно Охотник ощупывал края в надежде найти, за что можно было бы зацепиться – прочные и гладкие стены делали ловушку безукоризненной.

– Смотри! – позвала Охотника Янка.

Сверху донесся шум, и в яме разом потемнело.

Множество лиц, образовав полукруг по кромке рывины, заслонили собою свет.

– Помогите! Вытащите нас отсюда! – тут же выкрикнула Янка.

Охотник не спешил, предчувствуя недоброе. Люди наверху о чем-то совещались, громко галдели, спорили, экспрессивно жестикулируя. Кто-то опустил вниз алюминиевую палку с петлей на конце, затем поспешно вытащил приспособление. Охотник брезгливо поморщился.

– Ловчая петля... – скорбно заметил он.

В конце концов на дно спустили веревочную лестницу. Охотник пропустил девушку вперед, после поднялся сам. Предчувствие не обмануло его: на поверхности путников встретил ряд направленных на них стальных вил. Мужчины – сплошь бородатые, в льняных рубахах, жилетах из черного велюра и темно-синих штанах свободного покроя, вооруженные «трезубцами» – имели свирепый вид. Женщины, стоя поодаль в длинных юбках с цветочным орнаментом, зеленых кружевных фартуках поверх блузок светлого льна, молча тарасили глаза.

– Кто вы и что привело вас в Добрую деревню? И наши деды не припомнят случая, чтобы к нам забредали чужаки, – гнусавя, выпалил самый старший на вид; скалясь, он обнажил неровные зубы.

Янка, пребывая в крайней степени напряжения, ежесекундно ожидала начала кровопролития: случилось то, чего желал Охотник – повод выстрелить налицо. Однако ее спутник отчего-то медлил, что еще более усиливало напряжение. Чем больше девушка нервничала, тем стремительнее теряла контроль. И ложь вновь потекла рекой – без смысла, без отчета...

– Мы посещали кладбище, – заговорила она, зачем-то подняв руки выше головы. – У нас тут родственники похоронены.

Первыми зашушукались девушки за спинами своих богатырей. Рука Охотника легла на кобуру за поясом, а чуткий слух его уловил из неразборчивого шепота постоянно повторяющееся слово «крысы».

– Родственники, говоришь? А не врешь ли? – вновь подал голос старший, с подозрением глядя на девушку. – Как зовут родственников? – Бородач с вилами приблизился на шаг.

– Ян и Казимир Латиши, – ответил за нее Охотник, выставив вперед руку с пистолетом. – Дернешься – пристрелю!

Атмосфера накалилась до предела. Мужчины, за исключением того, которого Охотник держал на мушке, в замешательстве переглядывались, вилы в их руках ходили ходуном. Вдруг одна девушка, совсем молоденькая, с веснушчатым лицом и волосами цвета солнца, выступила вперед.

– Не стреляй в отца, Крысолов! Прости его за неучтивость! Отец, – девушка посмотрела на старшего, – ты же видишь: это – он! Спусти столько лет мы дождались спасения!

– Опустите вилы! – сказал старший.

Богатыри с видимым облегчением воткнули вилы в сырую землю.

– Как ты назвала меня? – спросил Охотник, опуская руку.

– Крысолов, – повторила девушка, – из рода Латишей – чародеев этих мест. Крысолов, предсказанный судьбой.

Восторженные слова девушки прозвучали пафосно и нелепо.

– Допустим, – без особого энтузиазма проговорил Охотник. – И что, по преданию, я должен сделать?

– Что предсказано – уничтожить крыс! – несколько раздраженно ответил старший.

– Как я понимаю, ваши старания успехом не увенчались? Не велика для грызунов волчья яма? – Охотник кивнул на ловушку.

– Крысолов, наши враги – не грызуны, а истые чудища! – проникновенно и с дрожью в голосе возвестил старший.

– Прошу, зови меня Охотником!

Прерванный репликой бородач продолжил:

– Охотник, наши крысы кормятся детьми!

От удивления тот вылупил глаза.

– Они, должно быть, невероятно огромные! – сказала Янка, живо нарисовав в воображении крысу-мутанта.

– Истинно! – воскликнула золотоволосая девушка. – Они выходят из ночного тумана и нападают на рассвете. Мы прячем детей, но крысы всегда их находят.

– У крыс превосходно развито обоняние. Чуют... А вот со зрением беда, – нарочито небрежно, с видом знатока заключил Охотник, чем заслужил укоризненный взгляд Янки.

В отличие от нее, другие сочли бестактное замечание Охотника подтверждением его профессионализма. Посему было решено тотчас сопроводить гостей к старосте Доброй деревни по имени Миклош Перст. Вторая часть его имени оказалась прозвищем, а вскоре выяснилось и его происхождение.

Староста проживал у мельницы, стоявшей особняком на окраине деревни. У мельницы сновали люди – таскали мешки с зерном, засыпали его в дыры жерновов для помола. А рядышком на резном крыльце неприметного дома из соснового сруба за столиком сидел человек. Наверное, он был единственным во всей деревне, кто не носил бороды. Зато носил на голове легкую сеточку, видимо, заботясь о прическе, и рубаху – безукоризненно белую.

Дочь старшего бородача, у которой оказалось на удивление подходящее имя – Злата, представила Крысолова и его спутницу старосте. Тот прищурил глаза, как будто плохо видел и пытался почетче разглядеть лица гостей.

– Из рода Латишей? Так-так... – староста отхлебнул чай и причмокнул губами. – Род чародеев пресекался. И нету более живых потомков.

– А как же обещанный Крысолов? – спросила Злата, потупив взгляд.

– Сказки, – отрезал Миклош. – Давно пора понять: никто не придет и не спасет наших детей. Самим справляться надо!

– Хорошо говорить, когда у самого детей нет! – парировала смелая девушка и тут же отвела глаза.

– Что позволяет мне судить беспристрастно! – с металлом в голосе произнес староста. – Уйди, Злата, с глаз долой!

Девушка шмыгнула носом и, не проронив ни слова, удалилась. Зато из близлежащих кустов как по команде повылазили с десятков бородачей, только вместо вил в руках они держали ружья.

– Разоружить чужаков! – скомандовал староста высоким голосом, так и не поднявшись с насиженного места.

– Извольте! – равнодушно проронил Охотник, бросив пистолет на бульжную дорожку, ведущую к крыльцу.

Янке оставалось только поражаться, с какой легкостью тот расстался с оружием. Разочарование отразилось на ее лице, а он даже не взглянул на нее, не попытался оправдаться.

– Позволит ли пан староста доказать делом, что я тот, за кого себя выдаю? – столь же безучастно осведомился Охотник.

С опаской поглядывая на лежавший у дорожки пистолет, еще пуше шурясь, староста, по всей вероятности, оценивал расстояние от брошенного оружия до его владельца. Примерившись, пришел к выводу, что оно для парня недосыгаемо, и наконец соизволил подняться с места.

Янке едва удалось сдержать возглас удивления! Неся на тонюсеньких ножках – кривых колесом – тяжелое тело, держась за перила, дабы не упасть, к ним со ступенек крыльца спускался карлик. Староста Миклош Перст оправдывал свое прозвище. Дойдя до места, где валялся пистолет, он поднял его и остался стоять там же с оружием в руке.

– Знай, Крысолов, или как там тебя...

– Охотник.

– Пускай так. Я не верю ни единому твоему слову. Однако готов дать тебе шанс. Крысы нападают на рассвете. Если ты к утру избавишь Добрую деревню хотя бы от одной, я отпущу тебя с миром. Дорогу покажу. Ты ведь потерялся? – Миклош подмигнул с хитрецей, обратив взор на Янку. – Или потерялась она?

Янка вздрогнула. Когда речь зашла о ней, отчего-то сделалось чертовски неприятно и холод пробрал до костей, хотя высокое солнце светило вовсю.

– Идет, – отозвался Охотник. – Но в таком случае тебе придется вернуть мне оружие.

– Ну уж нет! – с гаденькой улыбкой процедил староста. – Истинный потомок чародеев умеет обходиться кинжалом и вилами, «трезубцем» то бишь. Этим арсеналом я тебя обеспечу. На большее не рассчитывай! И... – нараспев протянул староста, – если к утру результата не будет, не обессудь, ни тебе, ни твоей подруге от праведной расправы не уйти. В Доброй деревне самозванцев не жалуют!

– Идет, – тем же равнодушным тоном повторил Охотник. – А на еду мы рассчитывать можем? На голодный желудок ни один чародей вам крыс не поймает!

– В Добрую деревню нечасто захаживают гости. Признаться, не захаживали никогда. Но люди Доброй деревни – гостеприимный народ, так по роду пошло. Разумеется, вас накормят.

И ночлег дадут, как должно, – заявил староста, изобразив на лице довольную хозяйскую мину. На том и разошлись.

Пока бородачи провожали Янку и Охотника в отведенную для их пребывания избу, девушка спросила, походя оглядывая окрестности:

– Ты не находишь странным, что нигде не видно детей, о которых они так пекутся?

– Действительно, странно. Злата говорила, детей прячут. Неужели их держат взаперти сутки напролет?

– Или их от нас спрятали?

Охотник нахмурился:

– От этих всего можно ожидать.

Неожиданно сильно он сжал Янке руку, девушка в недоумении воззрилась на него.

– Как ты думаешь, – проговорил он тихо-тихо, не отнимая руки, – кого из этих очаровательных людей мне убить? Предлагаю карлика!

Охотник отпустил руку и по-волчьи усмехнулся. Янка не улыбнулась в ответ: она не могла доподлинно знать, шутит ее спутник или нет. А не бравада ли это – пустая, лживая? Кто, как не он, не колеблясь бросил оружие к ногам карлика? И сердце вдруг сдавила тоска по милому, доброму, честному Мартину, которого, вероятно, уже не было в живых.

Глава 4

Идеальная мишень

Пан Миклош Перст не обманул. Деревенские накормили гостей досыта. За всю жизнь Янке еще не доводилось за раз съесть столько мяса. Их потчевали как королей, и вино лилось рекой. Правда, Охотник был сдержан в еде и от вина вежливо отказался, сославшись на предстоящую ночную работу, ради успеха которой, собственно, и затевался пир. Янка все же позволила себе пару бокалов: безумно хотелось снять напряжение. От принятого в голове зашумело, накатила усталость, смерть как захотелось вздремнуть. Охотник проводил ее в избу, заверив, что все хлопоты с фантастическими крысами берет на себя.

В отведенной им избе стояла тяжелая духота, по-видимому, помещение давно не проветривалось. В передней у окна располагался довольно сносный на вид диван, в смежной комнате у печи – двуспальная кровать, у которой висел настенный ковер с вытканым на гобелене изображением лесного оленя, а посередине комнаты – круглый деревянный стол на громоздких закругленных книзу ножках – отчего-то вспомнился сетчатоголовый староста-карлик.

Янка распахнула форточку – приятно повеяло свежей листвой, и прилегла на диван. Но, невзирая на дремоту, сон не шел к ней. И все по вине Охотника, который с завидным усердием, движимый неясной целью, шарил по углам, гремя мебелью, перетряхивая тумбочки, перебирал старое тряпье.

– Ты что-то ищешь? – сквозь дрему спросила Янка.

– Знаешь ли, нет у меня доверия к этим «добрым» людям, и хитроумному педанту-карлику, главарю их, я не верю. Нутром чую подвох. И дело вовсе не в крысах. Их проблема в чем-то другом. Очень хочется докопаться. Нет, я обязан... до рассвета, пока мелкий ушлепок не зайвится насадить нас на вилы.

Дремоту как рукой сняло.

– Ты не собираешься ловить крыс? – спросила Янка, наивно вылупив глаза.

– Увижу – поймаю, – ответил Охотник, не прерывая поиска. – Чую, крысы – не главное.

Настоящая угроза – в другом.

– В чем?

– Это я и пытаюсь выяснить. Найти зацепку, которая поможет прояснить картину.

К тому времени Охотник добрался до круглого стола, такого же кривоногого, как староста деревни.

– А вот это уже интересно...

Парень принялся отодвигать громоздкий стол. Янка поспешила на помощь. Вместе им удалось подвинуть громадину ближе к стене, освободив пространство на полу в центре комнаты. Сперва Янка не заметила ничего, на что следовало бы обратить внимание, но Охотник показал, куда смотреть: среди дощатой кладки выделялся квадрат, где щели между половицами казались чуточку шире остальных. У глиняной печи лежала кочерга. Охотник поддел ею половицу. Со скрипом доска поддалась, потянув за собой весь квадрат.

Напольная дверь вела в подпол, откуда резко пахло холодной сыростью. В деревне не было электричества, похоже, здешние о нем не имели понятия, так что пришлось раздобыть среди сваленного в углу старья масляный светильник с закопченной ручкой.

Попросив Янку осветить, Охотник, держась за края люка, полез вниз. Подвал оказался неглубоким. Он без труда нащупал дно и принял из рук девушки фонарик, в котором лениво тлел фитиль. Неровные половицы при каждом движении издавали неприятный хруст, действовавший на нервы, Охотник направил свет фонаря под ноги. Увиденное заставило его мгно-

венно отдернуть ступню, но под отставленной в сторону ногой вновь отвратительно затрещало, и, к сожалению, Охотник уже знал, что именно.

Отпихнув подошвой раздавленный человеческий череп, он грубо выругался и осветил фонарем дно, дав возможность Янке самой осмотреть страшную находку. Убедившись, что обнаруженный подвальчик сплошь завален отнюдь не гнилыми досками и прочим барахлом, а устрашающим ассорти из людских останков разной степени разложения, Янка закрыла ладонью рот, чтобы не закричать. Ее мутило: пахло не сыростью, а тленом.

– Как там вещал подлый карлик? Нечасто захаживают гости? Сдается мне, врал безбожно, – сказал Охотник, продолжая разгребать подошвами залежи костей.

– Почему знать, чьи это... мощи? – пролепетала Янка, собравшись с духом и мысленно сетуя, что с таким трудом подобранное слово совсем не вписывалось в гнилостный подвальный антураж.

В тот момент она несказанно сожалела, что не отказалась от вина: теперь во рту ощущался привкус крови.

– Своих убивают? Наверяд ли. И почему бы их не похоронить? Не по-людски как-то.

Охотник выбрался из подвала, закрыл люк. Вместе с Янкой они придвинули стол на место, оставив в комнате все как было. Выходя из помещения, Янка оглянулась, поймав себя на нелепой мысли о том, что беспокоится, надежно ли закреплен люк, как будто опасалась восстания мертвецов.

– Ляг поспи, мертвые не представляют опасности, – произнес Охотник, вторя ее мыслям, – чего не могу сказать о «милых» жителях Доброй деревни. А я пойду разведую, глядишь, и детишки найдутся! Надо же понимать, откуда именно следует ждать появления крыс.

Мысль о том, что ей придется спать в доме над десятками не преданных земле безымянных останков, приводила в дрожь, но лживые гостеприимные улыбки «добрых» людей вызвали куда большее отторжение. И усталость накатила новой волной...

– Хорошо, – сказала она, укладываясь с ногами на диван.

Ей сделалось безумно холодно в летнем платье, по рукам поползли мурашки. Внимательный Охотник накрыл ее покрывалом заботливо и нежно. В тот момент она узнала в нем Мартина, и тоска по чему-то упущенному безвозвратно снова закралась в сердце...

За Охотником затворилась дверь, и звук его шагов не слышался более. Прохладный ветерок поддувал из форточки, обещая вечер. Флисовое покрывало, мягкое и легкое, согревало. Мысли, шедшие чередой, отдаляясь в сознании, делались ему безразличными. Янка не пыталась ловить их на лету, не пыталась придать им значение – Янка исчезала во сне.

Проснулась внезапно, в полной темноте. Ритмичный стук в дверь выдернул ее из сна. Ей бы следовало испугаться, но обиталище страха, по всей видимости, до сих пор пребывало в грезах, отделив от себя ту, что едва покинула сон. И Янка, не заботясь ни о чем, отворила дверь.

Перед глазами в желтом свете масляного светильника возникло веснушчатое лицо Златы. Извинившись, девушка сообщила, что пришла проводить Янку к старосте. По словам Златы, глава деревни собирался обсудить с ней нечто важное тет-а-тет. Выспавшись, Янка была рада представившемуся поводу выйти из дома, тем более компания ее устраивала: Злата, похоже, являлась единственным человеком в деревне, вызывающим искреннюю симпатию. Гнусного карлика она, разумеется, не мечтала лицезреть, однако ей стало любопытно, – все лучше, чем сидеть на месте в ожидании блудного Охотника.

– Где вы прячете детей? – задала Янка давно волновавший вопрос. – Сколько мы здесь – ни одного ребенка не встречали.

Она не питала особых надежд на ответ и тем более на откровенность. Но рассчитывала распознать скрытое в неосторожном взгляде, правду – в потоке лжи, что непременно, будьте уверены, изольется. Как-никак, о лжи Янка знала немало. Она немедля принялась всматриваться в глаза Златы, словно в экран, изрезанный волнами шума, отыскивая зерно истины за

ретушью помех. Но ее ждала неудача, а возможно, неудача и была истиной – с какой стороны посмотреть. Янка увидела то, что не вписывалось ни в оно из ее предположений: ее вопрос опустошил взгляд Златы, опустошил тотчас и начисто. И Янке сделалось неуютно в компании с ней, и тени от нависавших над тропинкой плодовых деревьев, и скрежет гравия под ногами, и негасимые звезды в подозрительно синей ночи – все разом превратилось в угрозу.

– Ты что-то спросила? – Голос Златы, лишенный интонации, сквозил металлом, а в глазах ее как будто заснула сама смерть.

– Да так, ерунда, ничего. – Янка не решилась спросить снова.

– Вот мы и пришли! – радостно сообщила Злата, и жизнь вновь поселилась в ней, наделив легким румянцем веснушчатое лицо и веселыми искорками – глаза.

На крыльчке дома у мельницы гостью встречал староста. Он не стал спускаться навстречу, а приоткрыл дверь, жестом радушного хозяина приглашая войти.

– Милости прошу, Янина! Позвольте вас так называть!

– Как вам будет угодно, – ответила Янка, с подозрением оглядывая карлика: сеточка с его волос улетучилась, открыв жестко налаченные черные кудри.

Переступая порог дома, Янка оглянулась на Злату, но девушки и след простыл. С неожиданным уходом Златы Янка почувствовала себя брошенной. Тяжело вздохнув, она вошла в помещение.

Нельзя было не поразиться тому, как резко оно отличалось от той избы, где ей довелось вздремнуть, а вернее всего, и от прочих изб тоже. Под потолком по обе стороны полукругом висели серебряные канделябры со множеством свечей. Завораживающий свет падал на восточный ковер ручной работы, богатый красочной замысловатой вышивкой – на него неловко было ступить. На стене висело грандиозное зеркало в ковanej оправе с изображением амурчиков, нацеливших свои стрелы на смотрящего. У зеркала на туалетном столике из красного дуба стояли две медные курильницы в форме короны, увенчанной драгоценным камнем. Из курильниц тонкими струйками змеился белый дымок, заволакивая пространство. Пахло маком и корицей.

Взгляд девушки остановился на необъятном ложе, расположенном под столь же внушительных размеров окном, завешанным легким светлым тюлем. На ложе волнами лежало покрывало из алого бархата. Восторженный чудодейственный эффект от роскошного убранства жилища старосты развеялся, не успев окончательно заморочить, стоило Янке представить карлика на этом исполинском настиле, достойном королей. Воображение разгулялось не на шутку, являя сцены, как малыш Миклош дрейфует в неохватном море алого бархата. Янка не сдержала смешок.

Тут же дверь с шумом захлопнулась за спиной. Ароматы мака и корицы вдруг отяжелели, слившись в единую едкую приторную смесь. Веселье перерастало в панику. Ощущение сродни тому, когда ребенком вдруг осознаешь, что рисунок на лице клоуна, повторяющий губы, – отнюдь не улыбка. Янка стремительно перевела взгляд на карлика – тот более не вызывал смех, скорее ужас. Клоун при власти – что может быть страшнее?

– Янина, – карлик опустил в кресло у зеркала, дым от курильницы прятал его глаза, – вина?

В руке его сверкнул хрустальный бокал.

– Спасибо. Мне на сегодня хватит, – предусмотрительно отказалась Янка.

Миклош Перст настаивать не стал. Он важно поднял подбородок, наполнил бокал и пригубил напиток цвета точь-в-точь как покрывало. Миклош указал на соседнее кресло, приглашая присесть, но она снова отказалась, предпочтя неприметный стульчик напротив.

– Знаете, Янина, я пригласил вас сюда для того, чтобы предупредить, – карлик многозначительно поднял вверх указательный палец, – предупредить и спасти!

После интригующего вступления Янка молча ожидала продолжения, и Миклош продолжал, зловеще, таинственно выстреливая взглядом из-под струек белесого дыма курильницы:

– Открою вам тайну! Каким бы искусным ловчим ни был ваш храбрый Охотник, крыс ему не поймать.

– Почему вы так уверены?

– Знаю. Уж поверьте! Нет никакого Крысолова из рода Латишей. Род чародеев пресекся давным-давно. Мне это известно наверняка. Легенда врет.

– Это ваше личное мнение. Насколько я успела понять, все жители Доброй деревни, напротив, верят в нее. Почему же вы в меньшинстве?

Сочась самодовольством, карлик произнес:

– Потому что я сам ее выдумал!

– Но зачем?! – удивилась Янка, невольно выдержав паузу.

– Без веры в спасение, что непременно придет, не будет ни порядка, ни жизни. Вера дает силы, переждав ночь, уносящую жизни, вставать и идти дальше перемалывать жернова в надежде на то, что новая ночь станет светлее ушедшей.

Староста бросил взгляд на окно, за которым стояла скрытая в ночи мельница, неустанно махавшая крыльями.

– Тогда почему вы решили открыться мне? – спросила Янка, стараясь отыскать правду в плутовском взгляде собеседника за пеленой дыма.

Миклош Перст вдруг расхохотался:

– Открыться?! Смешно! Простите...

Видя, что девушка не разделяет его веселого настроения, карлик сделал над собой усилие, сооротив серьезную мину.

– Я давеча упоминал, Охотнику не суждено выполнить поручение, он, как оговорено, будет казнен за самозванство. И... по нашим обычаям даже тело его не предадут земле, а попросту оставят гнить, разлагаться медленно и гадко.

Янка вспомнила: распахнутая дверца потайного люка да очерченные светом масляного фонарика черепа и кости, их мертвый хруст под рифленой подошвой ботинок Охотника. «Охотник не первый Крысолов, а подпол – кладбище неудачников», – подумала девушка, и ее снова замутило. И запах от курильницы, поначалу казавшийся приятным, а позже приобретший приторные ноты, теперь не вызывал ничего иного, кроме дурноты.

Девушка поспешила встать, отойдя подальше от дыма к широкому окну. Вид на мельницу закрывала ночь, и за светлым тюлем Янка увидела свое отражение: в белом платье с принтом из переплетенных салатных линий стебельков она выглядела трогательно беззащитной. Тут же в окне позади нее возникло другое отражение – ростом по грудь девушки. Мелкий черноволосый староста, появившийся в черной мути стекла, виделся чертом. Обращаясь к зеркальному отпечатку девушки, он продолжал:

– А вас, Янина, я пригласил, чтобы сделать предложение. Участь Охотника предрешена, – карлик оттопырил большой палец и провел им по горлу, – других вариантов нет и быть не может. Но что делать с вами – вопрос открытый.

Если бы Янка в тот миг обернулась, она бы заметила масляную улыбку на лице деревенского главы, но девушка сохраняла неподвижность, уставившись в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.